Роман Белоусов

ПО СЛЕДУ МНОГОЛИКОГО

Источник: "Рассказы старых переплетов", М., "Книга", 1985

OCR и вычитка – Александр Продан, Кишинев

alexpro@enteh.com

24.11.05

Жизнь Травена скрывается во тьме.
Из справочника по немецкой литературе

НЕЗНАКОМЕЦ В ДЖУНГЛЯХ

Много дней экспедиция доктора Сильвануса Морли пробивалась сквозь мексиканские джунгли. На ее пути к городам древних майя, давно обезлюдевшим и окруженным тропическими лесами, возникали непроходимые заросли краснодревной свителии, ящеры и тапиры, низвергались бурные потоки и громоздились скалистые белые утесы. Когда-то здесь, в лесах нынешнего штата Чьапас, существовала высокоразвитая цивилизация. Ее следы и пытался отыскать доктор Морли, исследователь культуры майя. В случае удачи — открытия древней пирамиды или храма — фотограф экспедиции Торсван должен был заснять находку. Молчаливый швед в Мексике появился недавно. Казалось, больше всех его интересовал молодой индеец-носильщик Фелипэ-Амадор Паниагуа. Подолгу швед просиживал у его костра, не спеша беседовал и что-то записывал. Они были знакомы еще по предыдущему походу в Чьапас, летом 1926 года, в составе экспедиции Альфонса Дампфа. Как сообщает А. Дампф в своем дневнике, среди ее участников находился фотограф Торсван, у него были рекомендации и удостоверение, выданные министерством сельского хозяйства. Из второй части дневника явствует, что «г-н Торсван, поставляющий корреспонденции в газеты США, живет в Мехико-сити...» Тогда Торсван прошел с экспедицией только до Сан-Кристобала де лас Казас, где с ней расстался. Отделившись от основной группы, он вместе с Паниагуа совершил многодневный переход, пройдя 350 километров по джунглям. Позднее, в 1928 г., он описал это путешествие в книге «Земля весны». Многое в ней навеяно рассказами его попутчика — простого индейского парня, суеверного, смекалистого и доброго. Паниагуа любил петь песни своего народа, знал древние его обычаи и старинные легенды. Для Торсвана, который питал самый живой интерес к настоящему и прошлому родины Паниагуа, юноша-индеец был просто находкой. Не всем, однако, пришлась по нраву дружба белого с цветным. Это выглядело странным, да и сам белый, выдающий себя за шведа, казался загадочным. Откуда он пожаловал? Зачем прибыл в Мексику? Что заставляет его скитаться по дремучим зарослям?

На первые два вопроса он предпочитал не отвечать. Что касается последнего, пояснял: тот, кто хочет познать душу джунглей, их жизнь и песни, их любовь и

ненависть, не должен отсиживаться в «Реджис-отеле» в Мехико — он должен обручиться с ними.

И Торсван познавал душу страны, ее народ. Он гнул спину на плантациях, бывал у лесорубов, сплавщиков, работал на нефтепромыслах, жил среди лакандонов — индейского племени, которое, спасаясь от полного истребления, укрылось в джунглях. И всюду, где бы он ни был, делал записи, зарисовки мексиканского быта, в особенности индейцев. Эти рукописные листы Торсван хранил в небольшом ящике-сундуке. С годами записей становилось все больше. Они служили материалом для тех книг, которые втайне писал владелец сундука. Свои сочинения, как потом признавался автор, он создавал в периоды длительной безработицы, чтобы не ощущать непрерывных мук голода.

Кем же в действительности был создатель этих книг, на обложке которых стояла фамилия: Б. Травен? Прошло почти полвека, прежде чем удалось ответить на этот вопрос, а заодно и раскрыть тайну псевдонима. Никто никогда не встречался с писателем Б. Травеном. И еще недавно на вопрос, кто такой Травен, можно было услышать: всемирно известный «неизвестный». Называли его еще и Многоликим, потому что у него были 22 «достоверные» биографии. Стремясь раскрыть загадку Травена, расшифровать буквы «Б. Т.» — так иногда подписывался этот человек, — литературный мир создал много легенд. Одни утверждали, что под псевдонимом скрывается американский моряк, другие заявляли, что Травен — это бывший русский князь, по мнению третьих, он — потомок династии Гогенцоллернов. Появились слухи, что популярные романы написаны целым писательским концерном — дело даже дошло до оглашения имен. Наконец, находились фантазеры, доказывавшие, что Травен — не кто иной, как сам Джек Лондон, который симулировал самоубийство и, спасаясь от кредиторов, где-то скрывается.

БЕГСТВО ОТ СЛАВЫ

Загадка писателя-невидимки Травена стала одной из удивительных мистификаций нашего времени. Усердные литературоведы, дотошные репортеры и частные детективы не раз пытались проникнуть в тайну Травена и охотились за каждым «подозрительным», в ком виделся автор популярных книг.

Он создал полтора десятка романов. Лучшие из них — «Сборщики хлопка», «Восстание повешенных», «Корабль смерти», «Сокровища Сьерра-Мадре», «Мексиканская арба», «Проклятье золота», «Поход в страну Каоба», «Генерал выходит из джунглей», «Белая роза». Читателей в книгах Травена привлекало правдивое изображение жизни мексиканских индейцев, сезонных рабочих, крестьян. Писатель рассказывал о нечеловеческих условиях, в которых трудятся рабочие-лесорубы, осуждал тиранию, расизм, показывал, как героически мексиканские индейцы борются за свое освобождение. «Я считаю мексиканских индейцев и весь мексиканский пролетариат, который на 95 процентов состоит из индейцев, моими братьями, — говорил он, — мое родство с ними ближе, чем родство по крови. Потому что я знаю, какая смелость и стойкость, какое самопожертвование (не сравнимое ни с чем в Европе и США) нужно мексиканским индейцам, чтобы бороться за свою свободу, за свое место под солнцем». И недаром пресса отмечала, что «ни один мексиканец, ни один иностранец еще не изобразил мексиканскую действительность с такой правдивостью».

В тридцатые годы Травена широко издавали во многих странах. Критика отмечала социальную направленность его книг. Известный немецкий публицист Курт Тухольский сказал о Травене, что это «эпический талант большого масштаба». Американский

прогрессивный журнал «Нью мэссиз» сравнивал его с Джеком Лондоном и Эптоном Синклером, подчеркивая, что он «настоящий пролетарский писатель». Не один год, продолжал журнал, автор живет «одной жизнью с мексиканскими рабочими, ибо, как он сам говорит, ему необходимо знать их в жизни, прежде чем написать о них». Почти все его творчество так или иначе связано с Мексикой, исключение составляет, пожалуй, лишь роман «Корабль смерти».

В книгах Травена резко противопоставлены «любовь автора к простому народу и отвращение к колонизаторам», его сочинения — «эпопея жизни простых мексиканцев». Больше того, прогрессивная критика тех лет усматривала в них «вариации на тему „Коммунистического манифеста"». Известный публицист Джозеф Линкольн Стеффенс — «величайший репортер Америки», в свое время посетивший революционную Мексику, не раз приезжавший и в нашу страну, где встречался с В. И. Лениным, заявил о Травене незадолго до своей кончины: «Этот человек выразил подлинную душу Мексики».

Некоторые романы и рассказы Травена переведены и на русский язык *. Журнал «Иностранная литература» писал в 1961 году, что «книги Травена, обличающие капиталистический и колониальный гнет, горячо защищающие права мексиканских индейцев, особенно остро звучат в наше время грандиозных успехов освободительного движения в колониальных странах».

---

* Последняя его книга, которая вышла у нас, — сборник рассказов «Рождение божества». М., 1972.

Когда же впервые появилось имя Б. Травена? Это произошло весной 1925 года на страницах берлинской газеты «Форвертс», тогда центрального органа социал-демократической партии. Получив из Мексики рукопись романа «Сборщики хлопка», подписанного неизвестным именем Травен, редакция решила ее опубликовать. Для него самого это было полной неожиданностью. «Деловой характер письма, в котором мне сообщали о том, что рукопись принята, — признавался он через несколько лет, — не наполнил меня великими надеждами. Я считал продажу романа простой случайностью, которая вряд ли когда-нибудь повторится. Мне казалось, что я совершаю очень удачную экскурсию в область немецкой литературы, но что более длительные поездки уже, вероятно, не последуют».

Однако он ошибался. Б. Травен, как отмечают справочники и печать ГДР, стал одним из любимых писателей немецких рабочих. Его книги издавались неоднократно, пока фашисты не запретили их. В ГДР произведения Травена по-прежнему пользуются успехом у читателей. Высоко оценивает его творчество и критика, отметила художественное и революционное значение книг Травена и Анна Зегерс.

И вот несмотря на успех и популярность, личность Травена, его подлинную биографию скрывал туман загадочности.

Время от времени в печати вспыхивали эпидемии статей, посвященных Травену. Страницы солидных буржуазных изданий пестрели броскими заголовками: «Жизнь Травена скрывается во тьме», «Известный прозаик играет в кошки-мышки со своими читателями», «Писатель, книги которого изданы миллионными тиражами, остается неизвестным». Его пути-дороги действительно оставались неведомыми. Место, где он жил в Мексике, сохранялось в тайне. Он бежал от славы так же рьяно, как буржуазные писатели рвутся к ней.

Нередко через печать с ним пытались вступить в диалог, задавали вопросы — кто он, где скрывается? Травен отвечал на страницах газет, чтобы его оставили в покое, прекратили охотиться за ним.

Почему же Б. Травен бежал от славы, отчего так долго хранил загадочное молчание? Однажды, отвечая на подобный вопрос, заданный ему в газете, сказал, что биография творческой личности не имеет никакого значения, если автора нельзя узнать по его книгам. «У писателя, — заявил он, — не должно быть иной биографии, кроме его произведений». А еще через несколько лет, на такой же вопрос ответил: «Каждый человек обязан служить человечеству в меру своих сил и способностей, облегчать бремя жизни другим людям, нести им радость и направлять их мысли к великой цели. Я выполняю свой долг перед людьми, как я всегда делал, когда был рабочим, моряком, хлопкоробом, и теперь, когда стал писателем. Я не ощущаю себя человеком, который стремится стать в центре внимания».

Было и такое мнение: его странное нежелание быть узнанным объясняется не «публикофобией», а тем, что он развивает социальные идеи, не очень импонирующие мексиканским промышленникам, хозяевам страны. Когда же один издатель попросил у Травена его фотографию, в ответ писатель послал снимки нескольких сот людей: мол, он — среди них, такой же обыкновенный, как и все трудовые люди. «Я чувствую себя рабочим среди людей, — сказал Травен, — безвестным и не названным, как каждый рабочий, который вкладывает свою долю в движение человечества к прогрессу». И как бы уточняя, продолжал: «Я не хочу расставаться со своей жизнью обыкновенного человека, который просто и незаметно живет среди людей, и я хочу по мере сил помочь тому, чтобы в каждом окрепло собственное сознание, чтобы он был столь же важным и необходимым для общества, как всякий другой, независимо от того, что он делает, независимо от того, что им уже совершено».

Ловкие газетчики пользовались этой атмосферой тайны вокруг имени Травена. То и дело следовали сенсационные «открытия», публиковались якобы подлинные фото загадочного писателя. От имени американского журнала «Лайф» была обещана премия в несколько тысяч долларов за раскрытие тайны Травена. На поиски устремились журналисты и сыщики. Они выслеживали писателя на улицах Мехико, прочесывали целые области. Но розыск ни к чему так и не привел. Как потом выяснилось, трюк с премией придумал мексиканский издатель Р. А. Рамирес, чтобы поправить свои дела.

КЛЮЧ К ТАЙНЕ?

Однажды, весенним днем 1930 года, по холмистой равнине Чьапас ехал на муле невысокий «гринго». Следом за ним шел юноша-индеец, ведя на поводу вьючного мула. Путешественник остановился на ранчо Эль Реаль, за которым начинаются дремучие леса Сьерры. Незнакомец спешился, снял с шеи мула фотоаппарат и протянул свою визитную карточку: Торсван, инженер.

— Хочу заняться изучением живущего в лесах племени индейцев-лакандонов и познакомиться с лесоразработками.

Не одну неделю прожил «инженер» на ранчо, потом перебрался на лесоразработки в монтерию. Он попал сюда накануне великих сентябрьских ливней, после чего обычно начинался сплав заготовленного леса.

«В просторах прерий сезон дождей — самое прекрасное и бодрящее время года, — записывает он. — Но в джунглях, чем больше длятся дожди и чем ближе короткий период в три-четыре недели, когда ливни, покрывающие землю водой на два фута, разражаются шесть раз в течение суток, жизнь людей и животных, привыкших к общению с людьми, превращается в адскую пытку...

Земля, густо покрытая мягким слоем сгнивших растений и листьев, не в состоянии уже пропускать и впитывать воду. Она остается на поверхности и может только испаряться.

Но палящие солнечные лучи, которые тотчас же после дождя мощно пробиваются сквозь тучи и удивительно быстро рассеивают их, не достигают почвы джунглей, где в глубоких лужах стоит вода. Кроны древних деревьев так срослись и переплелись между собой в вышине, что только случайно, если проносится легкий ветер, один-другой заблудившийся солнечный луч, дрожа, прокрадется сквозь них».

Работа в таких условиях невыносима. «От этой палящей влаги под густым лиственным навесом, да еще от стояния по пояс в мокрой траве голова у человека делается мутной и тяжелой, — свидетельствует он. — Все это само по себе в состоянии обессилить, лишить разума и способности мыслить. Каждый удар тяжелого топора, который лесоруб врезает в твердый, как железо, ствол каобы, он ощущает как последний, доступный его силам, и ему кажется, что прежде чем сделать следующий, он упадет — чем бы это ему ни грозило».

Этим мученья людей не исчерпаны. Ведь чем дольше длится период дождей, тем плодовитее становятся звери, гады и насекомые. «Для них сезон дождей праздник воскресения. Москиты жалят и носятся роем по джунглям круглый год. Кажется, они никогда не умирают и не исчезают. Не успевает закончиться жизненный путь одних, как нарождаются новые. Но теперь, в сезон дождей, они носятся уже не роем, а полчищами».

Но самое страшное в монтерии — это капатасы — надсмотрщики, которые хуже зверей, насекомых и гадов, они травят и истязают лесорубов-индейцев, принуждая выполнять нечеловеческие нормы. Не случайно на этих лесоразработках в 1910 году во время мексиканской революции вспыхнул яростный бунт.

О событиях в монтерии Травен повествует в своем цикле романов о стране каоба. Прототипами трех братьев Монтельяно — главных действующих лиц — послужили братья Бульнас, владельцы ранчо Эль Реаль, имевшие неограниченную власть над всем краем.

Давно было подмечено, что книги Б. Травена носят явно автобиографический характер, ибо в них «есть моменты, которые невозможно описать, не пережив их». Эсперанца Лопес Матеос, которая переводила Травена на испанский язык, подтверждала, что писатель «ограничивается в своих книгах рассказом о том, что он сам видел и пережил». Да и сам автор признавался: «Я ничего не могу придумать, я должен знать людей, тех, о ком пишу, должен знать их в жизни, прежде чем изображу в книгах».

Такой принцип — подлинные факты и реальные люди, положенные в основу произведений, — подсказывал и метод поисков их автора. Только произведения Травена дадут сведения о его личности и жизни.

И охотники за писателем-невидимкой вновь и вновь перечитывали его сочинения, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь зацепку, которая позволила бы найти путь к разгадке.

Кое-что таким способом удалось установить.

Похоже было, что в романе «Сборщики хлопка» под именем бродяги американца Гэйла автор вывел самого себя. Это он работал сборщиком хлопка на затерянной в дебрях тропического леса ферме, был бурильщиком на нефтепромыслах, погонщиком скота, пекарем в маленьком городишке и даже акушером.

Еще в 1922 году автора заподозрили в том, что он член объединения профсоюзов

— стоило ему объявиться где-нибудь, как там вспыхивала забастовка. Полиция обратила на него внимание. Пришлось менять работу. Так, кочуя с места на место, он забрался в глушь, поселился возле затерянной в джунглях индейской деревушки. Благодаря ящику с лекарствами он прослыл среди местного населения «лекарем». В радиусе тридцати миль его, единственного белого на весь обширный край, знали все индейцы. Каких только больных не приходилось ему врачевать, иногда и бандитов, а однажды даже «воскресил покойника».

Кстати сказать, с бандитами ему приходилось встречаться и в другой обстановке, когда он решил стать старателем. Чуть было не заразился распространенным недугом — манией золотоискательства. Пораженные этой болезнью, говорит он, становятся вечными искателями, они носятся с планами и картами, рассказывают слышанные от индейцев и метисов басни о местах, где будто бы лежат груды золота, рыщут повсюду; и чем неприступнее горы, чем больше опасностей, тем сильнее убеждение, что цель близка. Умирают они обычно от голода и жажды, становятся жертвой змей или хищников. Нередко их убивают индейцы или нападают бандиты.

Подвергся однажды такому нападению и Травен. К счастью, ему удалось выбраться из переделки живым, после чего он навсегда оставил мысль о поисках своего Эльдорадо.

В небольшой, написанной в традициях Джека Лондона повести «Проклятье золота» отражены подлинные события, случившиеся с автором.

Выздоровев от «золотой лихорадки», он вновь изнемогал на хлопковых плантациях, охотился на аллигаторов где-то на границе штатов Сан Луис Потоси и Тамаулипас и стал участником событий, описанных в романе «Мост в джунглях». Затем он попадает в Тампико, трудится на нефтяных промыслах «Кондор ойл компани». Об этом нещадном эксплуататоре земли и народа Мексики рассказано в романе «Белая роза».

После нефтепромыслов его снова потянуло в джунгли. Он поселился в пустовавшем бунгало, где писал рассказы, в том числе «Ночной гость в зарослях». О своем жилище говорил, что, увидев его, европеец воскликнет: «Какое идеальное прибежище для поэта!» На самом деле, «живя в этом бунгало и создавая свой рассказ, я переносил ужасающие физические мучения. Москиты терзали меня так беспощадно, что я был вынужден обертывать руки и голову платками, стараясь хоть как-то уберечься от укусов сотен тысяч жужжащих насекомых. Хищники подходили иногда вплотную к жилью. И сам дом буквально кишел крупными скорпионами и красными пауками длиной с палец. Позади дома под грудой камней гнездились полчища тарантулов величиной с руку... Да, идеальное прибежище для поэта!»

Книги Травена позволяли проследить пути-дороги писателя. Долгое время у него не было постоянного адреса. «Я не могу просиживать штаны, — говорил он. — Я должен бродить». Но бродяге чаще всего приходится иметь дело с полицией.

Удостоверение личности № 30666. Имя: Беррик Торсван. Место рождения: США. Национальность: североамериканец. Дата рождения: 5 марта 1890 года, Чикаго. Рост: 1,68 м. Семейное положение: холост. Родители: Бартон Торсван и Дороти Торсван (шведские эмигранты). Профессия: инженер. Религия: протестант. Родной язык: английский. Какими языками владеет: испанским. Дата въезда в Мексику: июнь 1914 года.

Далеко не все данные этого удостоверения соответствовали действительности.

Впрочем, был период, когда у него вообще не было ни паспорта, ни какого-либо удостоверения личности. И каково оказаться на чужом берегу без документов, он узнал на собственной шкуре. Возможно, его так же, как и героя романа «Корабль смерти»,

полицейские чиновники перебрасывали из страны в страну, не желая иметь дело с бродягой, — из Бельгии в Голландию, из Голландии обратно в Бельгию, оттуда во Францию, пока наконец он не оказался в Испании.

Человек беспомощен перед тупой и жестокой государственной системой, говорит Травен в этом романе. И только на корабле, обреченном на гибель ради того, чтобы дельцы получили страховку, он находит пристанище. Но судно терпит аварию, и чудом уцелевший герой, пережив своеобразную робинзонаду на полузатонувшем корабле, в конце концов тоже погибает в пучине: «Вошедший сюда избавлен от всех страданий».

Журнал «Нью мэссиз» назвал этот роман Травена своего рода «Моби Диком», «мастерским сочинением, которым может гордиться Америка».

Книга написана истинным моряком, а не верхоглядом, «побывавшим десяток раз в каюте океанского парохода и воображающим, что знает толк в морях и кораблях». Ведь пассажир, как говорит сам автор, не в состоянии изучить не только море и корабль, но и жизнь экипажа. И действительно, каждая страница этой правдивой книги словно пропитана морской солью и полна яростного ветра. Она не оставляет сомнений, что в юности Травен служил на торговом флоте, был юнгой и стюардом на судне, курсирующем вдоль тихоокеанского побережья Северной и Южной Америки, затем плавал в качестве простого палубного матроса, угольщика и кочегара. Доставлял груз хлопка из Нью-Орлеана в Антверпен, ходил на каботажных судах вдоль берегов Европы, имел дело с контрабандистами и, рискуя, перевозил под видом ящиков с повидлом самое настоящее оружие с клеймом «made in USA».

Однако и книги не помогли раскрыть тайну Б. Т.

По-прежнему загадки громоздились одна на другую, сбивали с толку. Но именно к этому и стремился тот, кто называл себя Б. Травеном. Ему удавалось сохранять свою тайну благодаря множеству хитроумных предосторожностей; он ловко надувал любопытных с помощью разработанной им сложной системы общения с внешним миром, в частности с издателями: пользовался несколькими почтовыми ящиками, из которых корреспонденцию доставали другие, прибегал к услугам подставных лиц, на чье имя переводились его гонорары из разных стран. Нередко в анонсах на книги Б. Травена указывалось, что мексиканское издательство принимает оплату за его романы только почтовым переводом по адресу: Мехико, почтовый ящик 2520. Корреспонденцию из ящика с этим номером вынимала Эсперанца Лопес Матеос — не только переводчица его книг, но и доверенное лицо. Денежные переводы через банк одно время поступали на текущий счет хозяйки гостиницы и парка в Акапулько.

ОТШЕЛЬНИК ИЗ АКАПУЛЬКО

Так называемых «генеральных уполномоченных» у Травена было несколько. Они вели все его дела, переписку с издателями. Одним из них считался Хол Кровс.

Впервые это имя появляется после войны, когда Травен согласился на экранизацию своих романов. Автором сценариев был Хол Кровс. С ним имели дело и кинопродюсеры. Имя Хола Кровса встречается и на титульных листах книг Травена, где оговорены его права на переиздания.

Кто же такой Хол Кровс?

Человек этот часто путешествовал, появлялся обычно в темных очках и избегал

фотографов. Лишь дважды удалось его сфотографировать.

Было известно, что Травен имеет свой сейф в «Банко де Мехико». Проследить за владельцем сейфа взялся мексиканский журналист Луис Спота. След привел его на модный курорт Акапулько, авенида Коста Гранде, 901. Здесь, вблизи ведущей в Мехико дороги, стояла гостиница с парком. В глубине его журналист увидел скромный домик с черепичной крышей. В нем под охраной двух собак жил странный отшельник. Не сразу удалось поговорить с чрезмерно подозрительным и осторожным обитателем дома. Но именно этот человек и оказался владельцем личного сейфа в банке. Более того, сюда поступала вся корреспонденция на имя Травена, до этого прошедшая через несколько промежуточных адресов.

В доме стоял простой стол, стулья, полки с книгами. Обитатель его, назвавшийся Торсваном, заявил журналисту, что его двоюродный брат Травен сейчас болен и живет в Швейцарии. Он же, Торсван, является чем-то вроде его секретаря.

Во время этой беседы удалось тайком сделать несколько снимков Торсвана. Они появились на страницах мексиканского журнала «Маньяна» в 1948 году вместе с сенсационной статьей.

Рет Марут; Август Бибелие; Артур Брейский

После этого случая Торсван вернул банку ключ от сейфа и скрылся. В то же время в одной из газет мексиканской столицы появилась его статья, как бы в ответ на разоблачение Л. Споты. «Автор книг, о которых пишет Спота, — говорилось в ней, — покинул Мехико в 1930 году из-за серьезных недоразумений с властями и некоторыми частными лицами». Далее объяснено, почему большая часть корреспонденции писателя Б. Травена пересылается через Мехико. Делалось это будто бы для того, «чтобы зарубежные издатели думали, что Травен живет еще в Мексике. Таким образом, его произведения покажутся им более достоверными». С некоторых пор, писал Торсван, писатель ведет

чрезвычайно замкнутый образ жизни. «Я не имею права раскрыть, что побуждает его к этому, ибо это может нанести ущерб его интересам». А в заключение неожиданно заявил: «Есть основания думать, что писателя, может быть, уже нет в живых».

Хол Кровс; Б. Травен Торсван (незадолго до смерти).

Второй раз Торсвана удалось застать врасплох и сфотографировать в Гамбурге в октябре 1959 года, куда он приехал под именем Хола Кровса на премьеру снятого по роману Травена фильма.

Надо заметить, что романы Травена словно созданы для экранизации. Еще в 1930 году кинофирма УФА решила снять фильм по книге «Корабль смерти». Тогда автор отклонил предложение. Он заявил через издательство «Бюхергильде», что «пишет не для того, чтобы зарабатывать деньги. Травен пишет, чтобы выразить свое мировоззрение и помочь рабочим всех стран дать отпор любителям легкой наживы, вроде дельцов из УФА».

Много лет Травен оставался верен своему решению. Никому не уступал право на переиздание своих произведений, никому не позволял их инсценировать и экранизировать. Однако с некоторых пор он изменил этому правилу. Произошло это после появления Хола Кровса. Так были созданы фильмы «Восстание повешенных», «Сокровища Сьерра-Мадра», «Белая роза», «Корабль смерти» и др.

Мексиканский продюсер Хосе Кан — постановщик некоторых из этих кинокартин, установил контакт с «генеральным уполномоченным». «Хол Кровс, — рассказывал он, — невысокий седой человек лет шестидесяти, с пронизывающим взглядом голубых глаз, принадлежит к узкому кругу интеллигентов Мехико-сити». Таким предстал он и в Гамбурге во время премьеры фильма. Сопровождала его элегантная темноволосая дама. В отеле «Атлантик» они зарегистрировались как Беррик Торсван, он же Хол Кровс, и Роса Элен Лухан, его жена.

Так, к старой загадке прибавилась новая: кто в конце концов этот Хол Кровс, он же Торсван? И кто такая Роса Элен Лухан?

Но прежде посмотрим, какую роль играла во всей этой истории Эсперанца Лопес Матеос, младшая сестра будущего президента Мексики.

Как упоминалось, Э. Л. Матеос значилась переводчицей на обложках восьми книг Б. Травена. Она же числилась издателем журнальчика «Б. Т. Бюллетень», начавшего выходить с 1950 года в Цюрихе, где находился представитель Б. Травена по Европе. Одно время подозревали даже, как сообщал журнал «Лайф», не является ли сама Э. Л. Матеос тем, кто выдает себя за Травена. На это она вполне резонно заметила, что книги Травена написаны 20 лет назад, когда она была еще девочкой, да и по существу они совсем «не женские».

Однако было ясно, что Э. Л. Матеос имела непосредственное отношение к Травену и часто встречалась с ним. Через нее до 1951 года шла его деловая переписка. Она же пользовалась сейфом в банке, куда стекались денежные документы на имя Травена. Установили, что у нее была двоюродная сестра Роса Элен Лухан, вдова умершего промышленника Карлоса Монтес де Оса. В числе родственников оказались кинооператор Габриель Фигуероа, связанный с Холом Кровсом, жена сеньора Родригеса, мексиканского издателя произведений Травена, а также некая Мария Мартинес де ла Люс, владелица парка с гостиницей в Акапулько, где жил Торсван-Хол Кровс.

Несомненно, это был узкий круг лиц, близких тогда к Травену, каждый из них мог бы кое-что рассказать о нем. Но, к сожалению, никто из этих людей не хотел говорить. К тому же Э. Л. Матеос неожиданно в 1951 году покончила жизнь самоубийством.

С этих пор и появилось имя Р. Э. Лухан на книгах Травена как имеющей право на переиздание его произведений.

СЛЕД ВЕДЕТ В ЕВРОПУ

Пока журналисты пытались напасть на след Травена в мексиканской сельве, литературовед Рольф Рекнагель из Лейпцига отправился в не менее трудное, но увлекательное путешествие. Свой поиск он вел в библиотеках и архивах, за столом своего кабинета, изучая произведения Травена, сведения о нем и его редкие выступления в печати. Проанализировав множество данных, он проследил путь Торсвана в Мексике. И оказалось, что маршрут скитаний по этой стране фотографа совпал с описанием мест и событий, встречающихся в книгах Травена.

Чем глубже вникал исследователь в книги и документы, тем больше убеждался в том, что Хол Кровс, Торсван и Травен — одно и то же лицо. Однако считать такой вывод окончательным и поставить на этом точку было бы преждевременно. Дело в том, что след писателя вел через океан в Европу. И Рекнагель решил отправиться по нему в надежде докопаться до истины. Однако почему же он заподозрил, что разгадку тайны Травена надо искать в Европе?

По мере того, как Рекнагель изучал стиль книг Травена, все явственнее становилось их поразительное сходство, подчас идентичность мыслей и творческого почерка с забытым немецким литератором Ретом Марутом. Сопоставление это возникло чисто случайно.

Рекнагель заинтересовался загадкой Травена лет двадцать назад. С тех пор, преподавая литературу в Лейпцигском библиотечном институте, из года в год читает своим ученикам лекции о творчестве Травена. «Он стал моим добрым старым знакомым, — заметил Рекнагель, — и как сказал бы Травен, „слова его горят в моем мозгу"».

Однажды мне пришлось заняться более глубоко историей литературы периода ноябрьской революции 1918 года. В центре внимания оказался Мюнхен, писатели Оскар Мария Граф, Лион Фейхтвангер, Леонгард Франк, Бернгард Ротман, Франк Ведекинд, Макс Левьен... Круг становился все уже: Эрнст Толлер, Эрих Мюзам, Курт Эйснер, Густав Ландауэр... Внезапно я натолкнулся на творчество литератора, имя которого мне было совершенно неизвестно, зато стиль, как показалось, хорошо знаком — он удивительно напоминал стиль Травена.

Так это и началось: со сравнения стиля и анализа текстов, с сопоставления и регистрации множества фактов, с собирания разбросанных в разных изданиях работ этого человека, который выступал в печати под именем Рет Марут. Впрочем, как вскоре выяснилось, у него были и другие псевдонимы. Об этом поведали не столько страницы старых изданий, сколько протоколы полицейских архивов. Я складывал камушек за камушком, пока из этой мозаики не возник портрет...»

Многочисленные публикации Лейпцигского литературоведа убеждают, какой скрупулезный труд он проделал, пытаясь разгадать загадку Б. Т., каких усилий это стоило. И как итог поиска — книга-исследование «Б. Травен. Материалы к одной биографии», выпущенная теперь уже дважды: в 1966 и 1970 годах Лейпцигским издательством «Филипп Реклам».

Мне довелось заглянуть в лабораторию литературоведа-разыскателя. Это случилось осенью 1977 года, когда я оказался в Лейпциге, и было тем более интересно, что я сам не один год занимался Травеном, писал о нем с 1963 года. Я припомнил, что Рекнагеля называют «Шерлоком Холмсом литературоведения», — он, подобно детективу, использует в своем розыске методы криминалистов. Кстати, кроме работы о Травене ему принадлежит исследование «Баварец в Америке» — о жизни и творчестве Оскара Марии Графа и большая биография Джека Лондона. Эти книги доказывают, как писала газета «Лейпцигер фольксцайтунг», что литературоведение «может быть захватывающим и понятным каждому». Азарт, с которым он ведет свои поиски, по словам газеты, передается читателям. И не случайно д-р Рекнагель удостоен премии имени Генриха Гейне и премии города Лейпцига в области искусства за свою «самоотверженную работу на поприще литературы». (Кстати говоря, во время Всемирного фестиваля молодежи в Москве в 1957 году Рекнагелю была вручена премия журнала «Всемирные студенческие новости» за новеллу «Встреча с Леоном К.»)

Во время беседы Рекнагель показал мне архив документов, тщательно подобранную картотеку, составленные им карты маршрутов Травена, его книги на разных языках, работы о нем зарубежных авторов и т. п. Можно сказать, передо мной находилось обширное досье «следственного» дела по розыску некоего Травена. Или, иначе говоря, ценное собрание материалов по «травениаде».

Каков же результат разысканий Рекнагеля?

Впрочем, не будем спешить с ответом. Интереснее проследить за тем, как проходил сам поиск, за ходом расследования. Для этого оставим на некоторое время Мексику и отправимся в Германию по следам Рета Марута. Доказать, что Марут и Травен — одно лицо, и означало поставить точку в истории с загадкой Б. Т.

РОЗЫСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Тот, кто называл себя Ретом Марутом, еще до первой мировой войны выступал в

немецкой печати, иногда публиковал рассказы и статьи. Затем в течение нескольких лет — с сентября 1917 года по декабрь 1921 года — издавал журнал «Цигельбреннер», что в переводе с немецкого означает «обжигающий кирпичи».

Разрабатывая свою версию, Рекнагель стал изучать содержание «Цигельбреннера». И ему открылось многое.

Под огненно-оранжевыми обложками, имеющими формат кирпича, Рет Марут публиковал исполненные яростного гнева статьи против «тягостных условий жизни», с негодованием бичевал милитаризм, государство, буржуазную печать и религию.

В одном лице Рет Марут совмещал автора, редактора и издателя, выступая на страницах своего журнала под различными псевдонимами. Мало того, журнал извещал своих читателей, что ни телефона, ни адреса у редакции нет. И откровенно предупреждал: «Не трудитесь посещать нас — вы никого никогда не застанете».

Объясняя свое стремление к анонимности, Рет Марут заявлял: «У меня нет ни малейшего литературного честолюбия. Я только порождение времени, которое всей душой стремится исчезнуть безымянным в великой вселенной...»

Рассказы Рет Марут печатал без имени или под разными псевдонимами в своем же издательстве «Цигельбреннер ферлаг», которое, однако, как и журнал, не было зарегистрировано. Так, в 1919 году вышел без указания имени автора сборник его рассказов, очерков и рецензий «Синекрапчатый воробей». Но еще до того, как появился журнал «Цигельбреннер», Рет Марут создал тоже незарегистрированное издательство «Ферлаг И. Мермет», где в 1916 году напечатал свою новеллу «Письма к фройляйн С...». В ней, как и в других его рассказах того периода, отчетливо проступают автобиографические моменты. Так, «Индивидуальность» — это сатира на буржуазную прессу, которую Рет Марут презирал, считал, что «журнализм, служащий капитализму, — это чума» и «покуда печать находится в руках людей, заботящихся прежде всего о своем обогащении, невозможно достичь подлинной демократии». В этом рассказе, как и в новелле «Находчивый писатель», показана зависимость художника в буржуазном мире от воли антрепренера и издателя. Совсем не обязательно быть талантливым, чтобы стать знаменитостью. Для этого достаточно, изменив подлинному искусству и вопреки здравому смыслу, начать потрафлять вкусам снобов или обывателей.

По мере изучения журнала все отчетливее возникал портрет его редактора и издателя, все явственнее становился образ его мыслей.

Нельзя было не заметить, что в публицистике Рета Марута нашли отражение социал-демократические идеи. Однако довольно скоро он разочаровался в них и даже предсказывал задолго до ноябрьской революции 1918 года, что почтенные правые социал-демократы, если только придут к власти, предадут дело рабочего класса.

Сам он об этом позже скажет так: «Я предугадывал тогда, что социал-демократия выпестует свое папство, еще более ужасное, чем католическое».

К началу первой мировой войны Рет Марут превратился в мятежника, протестующего и против социал-демократии и против церкви. Когда-то он изучал теологию, теперь в его статьях и рассказах были чрезвычайно сильны антиклерикальные настроения.

Когда началась война, мало кто отваживался бросить «нет» мировой бойне, как это сделал, скажем, Карл Либкнехт, неустрашимо выступивший против шовинистического угара, охватившего отечество. Вызывала отвращение война и у Рета Марута. Как публицист он пытается оказать влияние на общественное мнение. Его возмущает бесчеловечность происходящей бойни. Этому, в частности, посвящен

небольшой рассказ «Неизвестный солдат». В нем автор «подкладывает мину под милитаризм», хотя и делает это, как отмечает Рекнагель, в завуалированной форме. Во время войны написана и упомянутая уже новелла «Письма к фройляйн С...», также отразившая тогдашние антивоенные настроения автора.

В сентябре 1914 года Рет Марут рассылает в газеты статью, в которой протестует по поводу того, что немецкое командование заставляет военнопленных подносить боеприпасы в разгар боя под навесным огнем. О том, что ни одна газета, даже социал-демократическая «Форвертс», естественно, не напечатала эту статью, он расскажет потом на страницах «Цигельбреннера». Не тогда ли зародилась у него ненависть и презрение к буржуазной печати? Во всяком случае, он много лет выступал против нее: «Любая революция, любая попытка освободить человечество потерпит поражение, если она с самого начала не подвергнет безжалостному уничтожению печать...», — пишет он в «Цигельбреннере». Со страниц своего журнала он провозглашает: «Пресса — это действенное оружие революционного пролетариата, который борется за свою власть. Необходимо постоянно владеть этим оружием, чтобы облегчить пролетариату его борьбу за свободу... Только борющийся пролетариат может создать условия для существования истинной свободы печати».

Когда в ноябре 1918 года в Киле началось восстание матросов, ставшее «искрой, зажегшей революционный пожар в стране», а вслед за тем произошли выступления рабочих и солдат в других городах, Рет Марут объявил себя сторонником диктатуры пролетариата, которая является, по его мнению, единственной предпосылкой свободы.

Приветствуя революционный порыв масс, он писал в листовке «Мировая революция начинается!»: «Хотя я не рабочий, я чувствую себя при диктатуре пролетариата так, как за всю мою жизнь не чувствовал себя ни при одном режиме... Ибо там, где власть принадлежит пролетариату, там капитализм идет навстречу своей неизбежной гибели, а уничтожение капитализма означает: никогда больше не будет войны! Устранение капитализма означает: никогда больше ни один жестокий генерал, ни один безжалостный убийца не сможет осуществить свою диктаторскую власть. Уничтожение всех капиталистических институтов означает, что и моя личная свобода обеспечена!»

Рет Марут энергично протестует против созыва Национального собрания. «В этом новейшем обмане я не участвую», — заявляет он. И продолжает: «Чем скорее, чем поспешнее оно будет созвано, тем легче будет капиталистам и всем элементам, заинтересованным в „спокойствии и порядке", продолжать заниматься своими старыми ничтожными делишками. Они знают совершенно точно, что тысячи рабочих, тысячи солдат, которые в эти дни возвращаются с фронта, еще недостаточно представляют, что такое социализм и как дорого досталась нам наша новая и с трудом завоеванная свобода».

Обращаясь в те дни к революционным массам, он провозглашал: «Ваш лучший учитель — Россия» и, предостерегая, напоминал о роли так называемого Учредительного собрания. Рет Марут, как и другие подлинные немецкие патриоты и революционеры, с восторгом приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. «Некогда я надеялся, — писал он, — что свет, который озарит мир, изойдет из Германии. Я очень хотел этого. Но он зажегся в России».

О его понимании Октябрьской революции говорит такой шуточный пример: «Новое летосчисление. Лет через сто будут говорить: — Война между Англией и Германией шла в то время, когда в России разразилась революция.

Лет через двести: — А когда же это Англия воевала с Германией? — Минуточку, дайте вспомнить. Кажется это было тогда же, когда разразилась русская революция.

А вот что скажут лет через триста: — Величайшим событием, сыгравшим огромную роль в развитии человечества, была русская революция».

Реакционная пресса обрушилась на Рета Марута с нападками, обвинила в измене «делу нации», в приверженности большевизму. В апреле 1919 года «Зальцбургер хроник» прямо назвала его «пламенным большевиком».

Хотя он никогда и не выступал публично, его статьи в «Цигельбреннере» в дни существования Баварской Советской Республики полны горячих призывов. Популярность его росла. Его выбирают председателем Подготовительной комиссии по созданию революционного трибунала, на одном из собраний фабзавкомов рабочие единогласно избирают его в комитет пропаганды, перед представителями печати он оглашает свой «план социализации прессы». В эти дни Рет Марут становится правой рукой своего давнего товарища Густава Ландауэра — активного участника революции, впоследствии убитого контрреволюционерами.

Но, как и предсказывал Рет Марут, правые социал-демократы, пришедшие к власти в итоге ноябрьской революции во главе с тогдашним премьером Эбертом, предали дело рабочего класса. Роль «кровавого усмирителя» исполнил министр Носке. Белогвардейцы ворвались в Мюнхен, Республика пала, начались кровавые недели весны 1919 года.

Как и многие, в том числе Густав Ландауэр, Эрих Мюзам и другие, был схвачен и Рет Марут (его арестовали по пути на заседание революционных и свободомыслящих писателей из различных городов Германии).

Вместе с другими участниками Баварской Советской Республики его обвинили в государственной измене и приговорили к смертной казни. Но ему удается бежать. Контрреволюционеры рассылают уведомление государственной прокуратуры и командования 4-й баварской группы войск о его розыске. Скрывшись, он продолжает издавать «Цигельбреннер» (хотя и не регулярно, журнал выходил вплоть до конца 1921 года). Полиция сбилась с ног, выслеживая его. Три месяца ожидала засада в доме на Клеменсштрассе, где он жил до ареста. Потеряв надежду, полицейские вывезли горы рукописей, книги и даже пишущую машинку.

Где скрывался Рет Марут и как выпускал журнал, неизвестно. Видимо, находился в Мюнхене в подполье. Голос «Цигельбреннера» продолжал звучать. Как и прежде, со страниц журнала Рет Марут бичует церковников, которые «видели во время войны свою главную задачу в том, чтобы молиться за победу, приносимую сорокамиллиметровыми орудиями, газовыми атаками, налетами цеппелинов и нападениями подводных лодок, всячески пропагандировали займы, продлевающие войну, и потворствовали банковским аферам», а после «начали подготовку к новой войне, дико вопя о возмездии и занимаясь яростным подстрекательством, превзойдя всех и вся в самой рьяной националистической и монархической пропаганде реванша...» И Рет Марут предупреждает: «Мы не забудем их, этих служителей господних, они могут в этом не сомневаться...»

Постепенно, однако, тон «Цигельбреннера» меняется, все чаще звучат в журнале нотки отчаяния и пессимизма. Разочарованный, охваченный желанием спастись от «европейской цивилизации», Рет Марут говорит о лживости эпохи, о желании уйти от нее, скрыться где-нибудь в глуши.

В начале 1920 года он писал: «Свободу нельзя принять в подарок. Мы сами берем ее. И, вероятно, мы употребим эту свободу на то, чтобы оставить Мюнхен и Баварию». Затем, словно прощание, прозвучали его слова со страниц «Цигельбреннера»: «Избавление придет, мы обретем его в неустанных вопросах, поисках, путешествиях! Итак, поднимайтесь! Пойдем в неизвестность; только там — правда, мудрость, избавление, жизнь...»

Вскоре Рет Марут бесследно исчез. Есть, правда, сведения, что он скрывался сначала в Кельне; там жил богатый судовладелец по прозвищу «Дядюшка», помогавший скрываться революционерам, участникам Баварской Советской Республики. Затем он нашел пристанище в Берлине у своего товарища, который дал ему свой паспорт и деньги на дорогу. На другой день после отъезда Рета Марута нагрянула полиция — она шла за ним буквально по пятам. Вскоре товарищ Рета Марута получил известие из Бельгии, что паспорт украли. Больше никаких вестей о нем не поступило.

КТО ВЫ, ЦИГЕЛЬБРЕННЕР?

Поиски издателя и автора «Цигельбреннера» привели Р. Рекнагеля в Мюнхен на Клеменсштрассе. Здесь в старом доме № 84 некогда жил тот, кто называл себя Ретом Марутом.

Тогдашний домовладелец все хорошо помнит. Невысокий господин был приятным жильцом, всегда ровным и приветливым. Приехал он из Франкфурта-на-Майне, кажется, в 1915 году. В комнате на столе высились горы бумаги, до поздней ночи стрекотала пишущая машинка. Часто с ним приходила одна фройляйн.

Здесь, на третьем этаже, Рет Марут изготовлял свои «кирпичи». Отсюда Рекнагель и начал свой поиск.

Шаг за шагом шел исследователь по пути к разгадке. Он проследил жизнь Рета Марута в Германии и постепенно из пестрой мозаики отрывочных биографических данных возникал портрет человека, его жизненный путь.

Удалось установить, что впервые имя Рета Марута упоминалось в документах в 1908 году. Именно тогда он появился в Эссене как актер без ангажемента и член Товарищества немецких работников сцены, членский билет № 8228.

В следующем году он гастролирует с разъездной труппой в Гримитшау, где у него завязывается тесная дружба с актрисой Эльфридой Цильке. Раз в неделю, по ее словам, Рет Марут обязан был являться в полицию. Чем объяснить этот приказ? Не было необходимых документов, и в полиции он числился иностранцем? А может быть, причину внимания к нему полицейских властей следует искать в другом. Не случайно товарищи по сцене часто величали Рета Марута анархистом и бомбистом.

Из Гримитшау Рет Марут переезжает в Зуль, где подвизается до 1910 года в качестве режиссера, заведующего труппой и первого героя-любовника. Затем он в Берлине, на Ветеранен-штрассе, 47. На вопрос анкеты «цель пребывания» отвечает: «учеба». А год спустя он и Эльфрида числятся в труппе берлинского «Нойе бюне», гастролируют по стране.

С сентября 1911 до мая 1912 года он играет в городском театре Данцига, исполняет роли Второго могильщика в «Гамлете» и епископа Бамбергского в гётевском «Геце фон Берлихингене». Эльфрида в этот период не выступает на сцене, ибо в марте у них рождается дочь Ирена, которую удалось спустя много лет разыскать в Берлине.

Летом 1913 года Рет Марут и Эльфрида проводят свой отпуск на взморье. Это их последняя совместная поездка. Вскоре они расстались.

Рет Марут переезжает в Дюссельдорф, где вплоть до ноября 1915 года служит актером в театре, которым руководит Луиза Дюмон-Линдеман. (Видимо, в это время он и

познакомился с Густавом Ландауэром.) И здесь Рет Марут играет в основном лакеев и кельнеров. Его коллега тех лет вспоминает: «Он был небольшого роста — 1 м 60 см, очень худой, но крепкий, напоминал выправкой жокея. Глаза водянисто-голубые. Взгляд всегда настороженный. У него был острый, большой, хорошо сформированный нос, нос ищейки».

Как стало ясно из просмотра театральных рецензий того времени, Рет Марут, видимо, не обладал актерским талантом. Неудивительно, что в конце концов он оставил сцену, решив полностью посвятить себя публицистической деятельности. Тогда и появился он в Мюнхене на Клеменсштрассе, сменив огни рампы на одинокий свет настольной лампы.

Вместе с ним часто видели ту самую молодую фройляйн, о которой упомянул домовладелец. Звали ее Иреной Альда. Позднее она станет именовать себя Иреной Мермет (отсюда и название ретмарутовского издательства «Ферлаг И. Мермет» и один из его псевдонимов).

Пожалуй, она была единственным помощником издателя «Цигельбреннера». И так же, как и он, исчезла, оставив неоплаченные долги, которые были в конце концов списаны с примечанием: «Несмотря на розыски, адрес узнать не удалось». Ни Рет Марут, ни Ирена Альда не зарегистрировали своего пребывания в Мюнхене.

Но кто же был Рет Марут до того, как стал артистом и публицистом? Откуда он пришел, где родился? Сохранились ли какие-либо документы?

Единственное, что удалось разыскать, — это удостоверение личности за 1912 год, какое выдавалось иностранцам. В нем написано: Рет Марут — англичанин, британский подданный. Когда началась война с Англией, слово англичанин в графе «гражданство» по просьбе владельца перечеркнули и заменили словом «американец».

Открытие это, хотя и было неожиданным, но вполне соответствовало привычке Рета Марута заметать следы. Других документов не нашлось.

Тогда Рекнагель решил искать ключ к загадке о происхождении Рета Марута в его псевдонимах. В «Цигельбреннере» он заявлял: «Историю моей семьи можно проследить на протяжении многих столетий».

Еще Рет Марут называл себя Рихард Маурхут, Хьотамаре фон Кирена, Артур Терлен, И. Мермет. Из анализа псевдонимов родилась такая гипотеза.

В мексиканском удостоверении личности за № 30666, как мы помним, сказано, что имя отца владельца документа — Бартон. Себя он называл — Хол. Бартон-Хол — это название родового поместья английского аристократического семейства Сомерсет.

Погрузившись в анналы генеалогии, Рекнагель установил, что когда-то это семейство носило имя Сент Маур. В 1513 году представители его именовали себя Сеймур, но к концу XIX века снова приняли имя Сент Маур. Псевдоним «Мермет» возник путем преобразования фамилии Сомерсет; «Сент Маур» превратился в «Маурхут». Иногда он пользовался и псевдонимом Джон Сеймур.

Семья Сомерсетов находилась в родстве с некоторыми немецкими дворянскими фамилиями. И многие члены семейства Сомерсет постоянно жили в Германии, в частности в Ганновере, Дрездене, Мерклине.

Изучение лексики произведений Травена показало, что 30% характерных разговорных выражений и речевых оборотов, встречающихся в них, типичны для языка Нижней Саксонии, и прежде всего для Ганновера.

«Изучая генеалогию рода Сеймуров, — говорит Р. Рекнагель, — мы видим союзы с двумя семьями, не принадлежащими к дворянству: это Кундарты из Мерклина и Оттаринты. Именно это имя значится как девичья фамилия матери Рета Марута на одном из ордеров, выданном на его розыск мюнхенской полицией.

На линии Оттаринтов появляется имя внебрачного потомка рода Сеймуров — Рихарда (Маурхут). В адресе-календаре дворянских фамилий оно не значится...»

Таково было предположение Рекнагеля о происхождении Рета Марута. Если оно звучало и не очень убедительно, то вполне, однако, оригинально.

— Впрочем, — замечает Рекнагель, — свое происхождение он не открыл ни одному человеку, даже своей возлюбленной. И, стремясь скрыть его, придумал, что родился он в море на океанском корабле. Свидетельство о рождении хранилось в Сан-Франциско, но оно погибло во время землетрясения в 1906 году...

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОЖДЕСТВА

Не один год продолжал свою кропотливую работу Рекнагель. На его столе пухли папки с документами, увеличивалось число выписок, «свидетельских» показаний, росла переписка.

— Зная биографию писателя и внимательно читая его романы, встречаешь на каждом шагу воспоминания о пережитом, образы и события, навеянные минувшим, — говорит Рекнагель. И напоминает признание Травена о том, что он «должен сам пережить всю печаль и все страдания, прежде чем выстрадать образы, которые вызывает к жизни». Точно так же и ландшафты. Травен пишет о Мексике и сравнивает описываемую местность с Руром, нефтяные скважины Тампико с угольными шахтами в Герне.

«Есть люди, — писал Травен в 1929 году, — которым достаточно проехаться по Тюрингскому лесу, и они тут же могут сесть и сочинить роман о джунглях. Я с почтительным удивлением называю таких людей художниками и поэтами. Но сам я не поэт и не художник. Я непременно должен влезть в сердце джунглей, чтобы о них написать».

Во всех «мексиканских» книгах Травена можно найти эпизоды из жизни писателя, связанные с его пребыванием в Германии, навеянные воспоминаниями о ноябрьской революции и т. д.

Рекнагель провел тщательный текстологический и даже звуковой анализ произведений Рета Марута и романов Травена. И пришел к заключению, что у обоих характерные особенности повествования и языка совпадают.

По словам знавших Рета Марута, он свободно, хотя и с легким акцентом, говорил по-английски. Представляясь кому-нибудь или подписывая письма, он часто употреблял приставку Мак, что обычно указывает на ирландско-шотландское происхождение. Тем не менее считалось, что автор популярных романов Травен — немец. В июле 1938 года «Нью-Йорк таймс» писала, что «по-видимому, Травен — немец, эмигрировавший в Америку после мировой войны и теперь живущий в Мексике».

Но вот что писал «Б. Т. Бюллетень» по поводу якобы немецкого происхождения Травена: «Много раз писатель сообщал через немецкие газеты, что он отнюдь не является немцем... Родной язык его английский». Почему же книги Травена впервые появились в Германии на немецком языке? «Это объясняется тем, что Травену удалось найти

хорошего переводчика на немецкий язык...» Дальше приводились такие сведения: «Родители писателя скандинавы по происхождению, но сам он родился в США и является потомком многих поколений моряков. С шести лет ему пришлось зарабатывать на хлеб насущный, в школу он никогда не ходил. В Мексику впервые попал в десять лет, когда плавал юнгой на голландском траулере и побывал во многих гаванях Тихого океана». Вот уже сорок лет, говорилось в биографии, как Травен живет в Мексике.

Как обычно, у него здесь все перемешано: правда с выдумкой, подлинные факты с придуманными. В одном был безусловно прав писатель Травен, когда в 1929 году заявил в письме издательству «Бюхергильде», что его «жизненный путь не принес бы никому разочарования».

Справедливости ради следует, однако, сказать вот о чем. Еще до Рекнагеля высказывалось предположение, что Травен и Рет Марут — одно лицо. Впрочем, когда Рекнагель начинал свой поиск, он об этом не знал.

В 1926 году, после того, как на немецком языке вышел роман «Корабль смерти», писатель-антифашист Эрих Мюзам заподозрил в авторстве этой книги Рета Марута, которого знал по Мюнхену.

В первом номере журнала «Фаналь» за тот же год Эрих Мюзам напечатал статью под заголовком «Где Цигельбреннер?». В ней он вспоминал о своем боевом товарище Рете Маруте, с которым вместе был арестован в 1919 году, и призывал его выступить с воспоминаниями о тех днях. Статья заканчивалась словами: «Ты нужен нам. Кто знает Цигельбреннера?» Неожиданно из Мексики пришел косвенный ответ — в редакцию поступила статья без подписи, но написанная в манере Травена.

Подозрение Эриха Мюзама о том, что под именем Травена скрывается Рет Марут, подтверждает Вальтер Штоле, соратник этого немецкого революционера, погибшего в гитлеровском концлагере в 1934 году.

В своем письме к Рекнагелю в сентябре 1960 года он сообщал: «С октября по декабрь 1933 года я сидел вместе с Эрихом Мюзамом в старой Бранденбургской тюрьме. Камера под самой крышей была битком набита — в ней находилось человек тридцать. Я сделал так, чтобы мой мешок с соломой лежал рядом с мешком Эриха. Он страдал гораздо больше, чем я, и мне удавалось хоть сколько-нибудь ухаживать за ним. Чтобы окончательно не потерять себя в этих нечеловеческих условиях, мы беседовали о литературе и истории. Вспоминали мы и о Травене. Эрих сказал, что он хорошо знает его. Травен — участник Баварской Советской Республики, был арестован и отправлен вместе с многими другими революционерами на расстрел. Но, видимо, ему удалось бежать...»

Обратился Рекнагель и к другим ветеранам революционного движения, которые еще были живы и могли знать Рета Марута. В декабре 1959 года пришло письмо от Эрнста Никиша, бывшего председателя Центрального Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Помню, что я несколько раз встречался с ним, — сообщал он. — Рет Марут был стройный, хрупкий человек. Он пришел ко мне, когда ему поручили руководить газетой „Мюнхенер ноестен Нахрихтен"».

Помнил Рета Марута и такой известный писатель, как Оскар Мария Граф, живший со времен антифашистской эмиграции в США. Правда, сообщить он смог немногое: «Марут был среднего роста, у него были густые черные волосы». И еще: «он вообще нигде не показывался. Его всегда окружал нимб таинственности».

Как видим, и это немногословное свидетельство подтвердило догадку Рекнагеля. Разве не создавал и Травен вокруг себя атмосферу загадочности?

Вслед за Мюзамом аналогичное предположение высказал журналист и писатель

Манфред Георг. В 1929 году, обменявшись с Травеном несколькими письмами и одним из первых оценив талант писателя, он заявил на страницах берлинской «Вельтбюне», что Травен «принадлежит к немецкому поколению послевоенных революционеров». Тогда же он рассказал о том, как возник загадочный псевдоним «Марут» — из анаграммы от слова «траум» (Traum — мечта, сон). Стоит лишь переставить буквы в этом слове и получится «марут» (marut).

Имелось, правда, и другое объяснение: псевдоним этот заимствован из древнеиндийской литературы, где «маруты» — некие существа, обладающие способностью зачаровывать. Маруты сражаются с демонами, но их происхождение для всех тайна. Что касается имени Травен, то это, мол, тоже псевдоним, образованный от того же слова «траум». Было, однако, еще одно объяснение: якобы Адой Травен звали актрису, которую любил Рет Марут.

Со временем в руках Рекнагеля оказалось столько фактов, скопилось столько документов, подтверждающих тождество Рета Марута и Травена, что сомнений больше не оставалось. Наконец, он сличил и опубликовал фотографии Рета Марута и Торсвана. И мы можем убедиться, что перед нами снимки одного и того же человека, называвшего себя разными именами: писателя Б. Травена, его «уполномоченного» Б. Торсвана-Хола Кровса и исчезнувшего публициста двадцатых годов Рета Марута.

ТВОРЦЫ НОВЫХ ЛЕГЕНД

Исследование немецкого литературоведа, скрупулезно и тщательно проведшего «следствие» по делу Травена, вызвало живой интерес у многих. Его открытие стало известно далеко за пределами ГДР. Рекнагель получал письма из различных стран, в которых косвенно подтверждалась правильность его вывода.

Однако и после опубликования материалов Рекнагеля находились лица, продолжающие создавать вокруг имени Травена новые загадки, творить новые легенды.

Например, западногерманский журнал «Штерн» заявил, что удалось разгадать загадку Б. Т. В одном из его номеров в 1962 году был помещен сенсационный анонс, где сообщалось, что репортер «Штерна» Герд Хайдеман проник в тайну Б. Т. и может сообщить, как именно были созданы романы Травена.

В обычной для этого журнала рекламной манере говорилось о том, сколько биографий пришлось изучить репортеру, прежде чем он напал на след малоизвестного литератора — некоего Августа Бибелие, уроженца Мекленбурга. Его жизненный путь, по словам журнала, якобы во многом совпадал с путем Травена. В начале века А. Бибелие покинул Германию. Был надсмотрщиком на сахарных плантациях в Бразилии, кочегаром на пароходе. Накануне первой мировой войны вернулся на родину, женился. Потом снова скрылся, уже навсегда. Жене Бибелие в романах Травена многое будто бы напоминало об исчезнувшем муже. Но ее показания тем не менее не убедили репортера. Он опросил свыше трехсот человек, так или иначе знавших Бибелие. Все, казалось, говорило в пользу гипотезы Хайдемана. Оставалось самое последнее звено — Мексика. Сюда и отправился репортер «Штерна». Но здесь произошло неожиданное. В игру включился еще один человек, который всегда выступал как уполномоченный Травена — Торсван.

Тогда появляется новая версия — под именем Б. Травена скрывается не одно лицо. Намекают на таинственные обстоятельства из прошлой жизни Травена-Торсвана, говорится, что А. Бибелие — автор первых книг, подписанных именем Травена, и что в

последующих публикациях журнал подробно расскажет об открытии своего репортера.

Но сенсация, обещанная «Штерном», так и не появилась. Почему журнал счел необходимым замолчать и оставить своих читателей в недоумении?

Версия о том, что опустившийся сын фабриканта Август Бибелие и есть писатель Травен, существовала и раньше в числе прочих легенд, блуждавших вокруг его имени. Еще в 1957 году один гамбурский страховой агент, скрывшийся под криптонимом О. О., пытался шантажировать Травена. Он потребовал от писателя «права издания», в противном случае-де «разоблачит его до 15 марта 1957 года в мировой прессе как Августа Бибелие».

Г. Хайдеману не удалось сколько-нибудь убедительно доказать старую легенду. Наоборот, все его поиски подтверждали, что Травен и Рет Марут одно и то же лицо. Вот почему в журнале «Штерн» не был напечатан рассказ о том, как репортер Г. Хайдеман разгадал загадку Травена.

Затем последовало очередное сенсационное «открытие». Оно появилось уже после неоднократных выступлений Рекнагеля в печати с материалами о Травене. Кельнская газета «Форвертс» в погоне за шумихой поместила статью под заголовком «Капитан Бильбо — это Травен». В ней утверждалось, что владелец «матросской таверны» в Западном Берлине, некто Бильбо, настоящее имя которого Гуго Барух, и есть Травен.

С новым вариантом легенды о Травене выступили в 1964 году чехословацкие газеты. На их страницах было высказано предположение, что чешский литератор Артур Брейский, эмигрировавший в Америку накануне первой мировой войны и якобы умерший там при загадочных обстоятельствах, на самом деле, возможно, воскрес под именем Б. Травен. Доказательством в данном случае служил псевдоним B. Traven. Это будто бы анаграмма, которая расшифровывается как «nev art B», то есть «новое искусство Б.» (Брейского).

Такое «доказательство», пишет по этому поводу Рекнагель, подобно аргументу о том, что короткие толстые пальцы бесследно исчезнувшего в 1917 году словенца Франца Травена якобы похожи, если судить по фотографии, на пальцы Хола Кровса — Травена.

Однако на этом страсти не утихли. Спустя несколько месяцев после опубликования очередного материала Рекнагеля о его поисках и открытиях появилось сообщение о том, что Иоганнес Шенгерр (ФРГ) разгадал загадку Травена и идентифицировал его с Ретом Марутом. В связи с этим еженедельник «Вохенпост» (ГДР) напомнил, что впервые Рекнагель попытался установить тождество Травена с Ретом Марутом еще в 1957 году. Затем он опубликовал ряд статей исследовательского характера, нашедших признание и за рубежом.

Неожиданно, уже после публикаций Рекнагеля, на страницах гамбургского журнала «Штерн» наконец появилась долгожданная сенсация «Загадка века разгадана».

Что же открыл на этот раз репортер «Штерна»? Оказывается, он изложил всего лишь известную уже версию о том, что Травен и публицист Рет Марут, исчезнувший из Германии после падения Баварской Советской Республики, — один и тот же человек. Но ведь об этом задолго до «Штерна» уже писалось. Однако журнал предпочел не давать ссылок. Иначе ему пришлось бы признать, что еще до его выступления в Лейпциге вышла книга «Б. Травен. Материалы к одной биографии». Эта работа Рекнагеля — итог его многолетних поисков — стала одной из интересных попыток приподнять покров тайны над личностью писателя. «В этой книге, — писала западногерманская газета „Вельт", — по сути дела, помещен весь тот материал, который опубликован в гамбургском журнале „Штерн"». Исследование Рекнагеля не только состоит из жизнеописания, но и включает в

себя сравнительный текстологический анализ произведений Рета Марута и Травена, к книге приложен библиографический список. Словом, это солидная работа, отнюдь не претендующая на поверхностный сенсационный успех, то есть на то, к чему стремился «Штерн». Открытие западногерманского журнала оказалось вторичным. Стоило ли выдавать уже известное за новое? Репортеры из «Штерна», видимо, считали, что стоило. Особенно, если учесть, что бизнес с Травеном сулил приличный заработок. Расширенный вариант репортажа, появившегося в «Штерне», публиковался в журнале «Конкрет». По телевидению был показан многосерийный фильм: «В зарослях Мексики. Загадка Б. Травена». Высмеявшая эту затею «Вельт» писала, что в фильме не было «ничего путного о Травене». А между тем и Хайдеман, и создатели телефильма не могли не знать, что незадолго до того, как был опубликован репортаж в «Штерне», Травен нарушил свое многолетнее молчание.

КОНЕЦ МИФА

С 1920 по 1921 год Рет Марут писал обзоры для мексиканского журнала «Гейлз интернешнл мансли фор революшионери комьюнизм». Издателем его был американец А. Г. Гейл. Это же имя носит персонаж, от имени которого ведется повествование во многих книгах Б. Травена.

Из номера в номер журнал публиковал статьи «Что тебя ждет, если ты приедешь в Мексику?» и предлагал «радикалам» всех стран прибыть в страну, которая, как писала тогда «Нью-Йорк таймс», может стать «американской Советской Россией».

Если вспомнить, что в своем «Цигельбреннере» Рет Марут уделял много внимания проблемам мексиканской революции, публиковал статьи о Мексике, то станет понятнее его выбор.

В 1966 году прозвучал голос самого писателя, выразившего признательность давшей ему приют стране.

В мексиканском журнале «Сьемпре» появилось первое и, как он сам сказал, последнее интервью Травена. Корреспондент этого журнала встретился с писателем в его домашней библиотеке в городе Мехико. На вопрос, как он относится к тем небылицам, которые писали о нем, 76-летний писатель заявил, что это журналисты сделали его мифической личностью. Он же, избегая встречи с ними, оберегал лишь свой покой и уединение, ибо ненавидит рекламную шумиху вокруг его книг. С любовью и уважением относится к Мексике, стране, гражданином которой является, любит ее народ.

Доволен ли он своей работой? Нет, не доволен. Хотел бы сделать больше, вечно жить и писать, ответил Травен. Почему некоторые из его книг не опубликованы в США? Возможно потому, что он на все смотрит только с мексиканской точки зрения. Многое, что пишется в США о Мексике, неправда.

На вопрос, жил ли он в Германии, Травен ответил утвердительно, подчеркнув, что родители его были выходцами из Скандинавии.

Корреспондент «Сьемпре» сфотографировал Травена. Однако по его просьбе снимки не были напечатаны. Вместо них писатель разрешил воспроизвести скульптурный портрет работы его друга Федерико Канесси.

Завеса тайны над именем Б. Травена начала приподниматься.

Вскоре, однако, из Мексики пришла весть — Травен скончался. На похоронах

присутствовали многие выдающиеся представители творческой интеллигенции, в том числе художник-коммунист Д. Сикейрос, и другие. По завещанию писателя, тело его было сожжено, а прах развеян с самолета над тропическим лесом в штате Чьапас, над местами, где он прожил много лет.

В мексиканской прессе появились статьи о Травене. Они начали проливать свет на таинственную жизнь писателя. И, наконец, самое важное — в печати выступила его вдова Роса Элен Лухан. Она рассказала, что подлинное имя писателя Травен Торсван Кровс, родился он в 1890 году в Чикаго, в семье эмигрантов — выходцев из Скандинавии. Отца его звали Бартон Торсван, мать — Дороти Кровс. Травен рано остался сиротой. С юных лет бродяжничал, был грузчиком, юнгой, кочегаром на судах, курсировавших между США и Европой. Во время первой мировой войны оказался в Германии. Здесь впервые проявился его талант публициста. Под псевдонимом «Рет Марут» он выступает в печати, издает журнал «Цигельбреннер».

«Всю свою жизнь, — заявила вдова писателя, — он был революционером и антифашистом. Он всегда боролся против несправедливости, за переустройство мира».

Роса Элен Лухан привела много фактов из жизни Травена и его деятельности, подтвердивших выводы Рекнагеля. Она сказала, что Травен горячо приветствовал Октябрьскую революцию, что он примкнул в Германии к «Союзу Спартака», с восторгом встретил образование Баварской Советской Республики и принимал участие в работе создаваемых новой властью революционных комитетов. После падения Республики Травен бежал из Германии. Вскоре он появился под именем Торсван в городе Тампико, на восточном побережье Мексики.

В этой стране, ставшей его второй родиной, Травен затерялся в девственных лесах Чьапас, жил среди индейцев, был сборщиком хлопка и золотоискателем, работал на нефтепромыслах и на лесоразработках, был погонщиком скота в горах Сьерра-Мадре.

И всюду он изучал народ, его историю, наблюдал жизнь, о которой потом рассказывал в своих книгах. В столице Мексики он жил под фамилией Торсван, числился фотографом, изучал археологию в Мексиканском университете. Он увлекался древней цивилизацией майя.

На деньги, полученные за издание своих книг, совершил несколько путешествий в джунгли Юкатана и Чьапаса, столь же увлекательных, сколь и опасных. Собранные здесь материалы и легли в основу его романов.

С тех пор до конца своих дней писатель работал над историей доиспанской цивилизации в Мексике.

По словам вдовы, Травен всю жизнь боролся с фашизмом и милитаризмом. Он открыто осуждал американскую интервенцию в Никарагуа и откровенно восхищался народным героем этой страны Сандино, вероломно убитым в 1934 году. Во время гражданской войны в Испании его симпатии были всецело на стороне сражающейся Республики.

Таков путь Травена Торсвана, автора многих книг, которого мексиканский народ считает своим национальным писателем. Слушая рассказ Рекнагеля, я думал о том, какой надо было обладать верой, сколько отдать сил поиску, казалось, мало что сулившему и скорее обреченному на неудачу, чтобы верить в успех.

Настойчивость, увлеченность Рекнагеля помогли проделать долгий путь не только по архивам и бесчисленным книжным страницам, но и по городам, где он встречался с теми, кто знал и еще помнил Травена — Рета Марута. И наконец, как завершение этого трудного пути, Рекнагель оказался в доме своего героя в Мехико, увы, уже после его

смерти. Одним из первых он перешагнул порог жилища, где в уединении жил писатель, увидел его кабинет, старый «Ремингтон», верой и правдой много лет служивший хозяину. Довелось ему заглянуть и в архив Травена. Сегодня дом этот открыт для посетителей.

— Я наблюдал буквально паломничество сюда многих читателей, — говорит Рекнагель и показывает мне вещи писателя (дар его вдовы): пепельница и старинная шкатулка.

— Продолжаете ли вы свои поиски?

— Конечно. Когда я был в Мексике и гостил у вдовы писателя, мне показали его дневники. Одна запись, сделанная в сентябре 1924 года и связанная с романом «Сборщики хлопка», привлекла мое внимание. В ней говорилось, что рукопись этого романа (сто пять страниц) была послана двенадцати немецким газетам. И только одна газета «Форвертс» издательства «Киппенхойер» в Потсдаме приняла и опубликовала ее. Возвратившись в ГДР, мне удалось разыскать бывшего владельца этого издательства. Он живет в Веймаре. От него я получил машинописный оригинал рукописи Б. Травена «Сборщики хлопка». Рукой автора на ней сделаны многочисленные пометки наборщикам.

В кабинете Рекнагеля на стене висят самодельные карты. На них — маршруты странствий Травена по Германии и Мексике. Здесь же целая полка с книгами о писателе, изданными в разных странах.

— С каждым годом все больше появляется исследований о жизни и творчестве Травена, — говорит Рекнагель и достает с полки книги, изданные в ГДР, ФРГ, США, Англии. Из недавно вышедших мое внимание привлекли две: М. Бауманн «Б. Травен. К вопросу о его личности и творчестве» (1976) и Д. Стоун «Тайна Б. Травена» (1977). Первая — попытка на основе анализа творчества писателя объяснить многие не совсем еще ясные моменты его биографии, дать ответ на такие вопросы: был ли Б. Травен пролетарским писателем, следовал ли он традициям американской литературы, наконец, писателем какой страны его считать: Германии, Мексики или США. Книга Д. Стоун, недавно присланная мне автором, интересна по композиции: она включает отрывки из произведений, воссоздает эпизоды жизни писателя с 1919 по 1966 год, когда ей (одной из немногих) удалось встретиться и беседовать с «писателем-невидимкой».

В 1982 году вышло Собрание сочинений в отдельных томах Б. Травена в издательстве «Диогенес ферлаг» (ФРГ), готовится собрание сочинений в США. Печатаются его романы и рассказы в ГДР и в Советском Союзе.

— А вот это, — продолжает хозяин, — изданный с моим предисловием сборник рассказов, публиковавшихся 60 лет назад в «Цигельбреннере» и подписанных псевдонимом Рет Марут.

«Ранние рассказы» Б. Травена — Рета Марута — тоже своего рода открытие. Подобное издание выходит впервые, и заслуга в этом, несомненно, доктора Рекнагеля. Кстати, весь гонорар, полученный за книгу, он передал в фонд помощи безработным учителям, своим западногерманским коллегам.